

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

об отказе в принятии к производству обращения
Аргымбаевой Асель Абдыкалыевны

10 февраля 2026 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики в составе: Дуйшеева К.А., Айдарбековой Ч.А., Жолдошевой Л.Ч. при секретаре Айтмырзаеве М.Э., рассмотрев обращение Аргымбаевой А.А.,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 12 января 2026 года поступило ходатайство Аргымбаевой Асель Абдыкалыевны о проверке соответствия части 1, пункта 2 части 3 статьи 209 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК) статьям 1, 59 Конституции Кыргызской Республики.

Заявитель отмечает, что основанием обращения является наличие юридической неопределенности в части 1, пункта 2 части 3 статьи 209 УК (в редакции Закона Кыргызской Республики от 3 ноября 2025 года № 250), с включением в диспозицию нормативного положения «сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств», квалифицирующего признака «совершенное в отношении двух и более лиц», а также примечания об освобождении от уголовной ответственности при добровольном возмещении ущерба.

По ее мнению, совокупность указанных изменений приводит к

существенной трансформации правовой природы статьи 209 УК, размывая пределы уголовно наказуемого поведения и затрагивая конституционные основы разграничения уголовной и гражданско-правовой ответственности.

Из содержания обращения следует, что новая формулировка статьи 209 УК позволяет привлекать к уголовной ответственности за неисполнение договора без четкого разграничения между гражданским правонарушением и уголовным преступлением. В результате уголовное законоположение используется не для защиты собственности от общественно опасных посягательств, а как средство экономического давления и разрешения договорных и хозяйственных споров.

Субъект обращения считает, что понятие «преднамеренное неисполнение договорных обязательств» является оценочным и размытым. В предпринимательской деятельности неисполнение часто связано с объективными экономическими рисками, а не умыслом. В связи с чем, отсутствие четких критериев позволяет произвольно признавать хозяйственные неудачи уголовно наказуемыми, что делает закон непредсказуемым.

Аргымбаева А. подчеркивает, что исходя из позиций органа конституционного контроля правовая формулировка, позволяющая расширять уголовное преследование за счет иных видов юридической ответственности, противоречит принципу правового государства, закрепленного в статье 1 Конституции. Эта позиция универсальна и применяется к оценке любых изменений уголовного закона, включая оспариваемую норму.

В обоснование своих доводов она ссылается на позиции Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики в Решении от 14 января 2015 года, согласно которой уголовно-правовые нормы должны быть сформулированы ясно и определенно, чтобы лицо могло предвидеть последствия своих действий и исключить произвольное или расширительное толкование следственными органами и судами.

Несоблюдение принципа правовой определенности ведет к противоречивой практике, произвольному толкованию и применению норм, что может нарушать конституционные права и свободы человека (решения от 7 июня 2017 года, 30 мая 2018 года, 6 марта 2019 года, 16 декабря 2020 года). Тогда как, уголовная ответственность допустима исключительно при наличии прямого умысла (Решение от 14 января 2015 года). А в договорных отношениях она возможна только если умысел на хищение возник до заключения договора, а сам договор использовался как способ обмана. Во всех остальных случаях спор решается в гражданско-правовом порядке.

Заявитель утверждает о несоответствии внесенных изменений в статью 209 УК статье 11 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой «никто не может быть лишен свободы на том единственном основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство». Приоритет международных обязательств, закрепленный в Конституции, делает такую внутреннюю норму неконституционной.

Заявитель также обращает внимание на примечание к статье 209 УК, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности при добровольном возмещении ущерба. Как отмечается в обращении, примечание размывает границы уголовной ответственности, превращая ее в инструмент принуждения к исполнению договоров, что противоречит цели уголовного права и фактически криминализирует неисполнение обязательств.

В части дополнения статьи 209 УК квалифицирующим признаком «совершение деяния в отношении двух и более лиц» (пункта 2 части 3), Аргымбаева А. полагает, что наблюдается нарушение принципа соразмерности наказания.

По мнению заявителя, уголовное право по своей природе является крайней мерой (*ultima ratio*), и применение чрезмерно жестких санкций «с участием нескольких лиц» не подтверждается повышенной опасностью

таких действий и основано исключительно на количественном критерии числа потерпевших. Лишение свободы сроком до семи лет при отсутствии значительного ущерба и без доказанного первоначального умысла на хищение является несоразмерным и представляет собой репрессивное вмешательство государства.

Таким образом она утверждает, что подобная трансформация уголовного законодательства выходит за пределы допустимого усмотрения законодателя и нарушает конституционный баланс между защитой собственности и правами личности.

На основании изложенного, заявитель просит признать оспариваемые нормативные положения противоречащими Конституции.

Коллегия судей, изучив ходатайство Аргымбаевой А., а также приложенные к нему материалы, заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего соответствующую проверку, пришла к следующим выводам.

Конституционный контроль направлен на проверку соответствия нормативных правовых актов либо их структурных элементов Конституции и осуществляется при наличии убедительных правовых доводов, указывающих на возможную неконституционность действующего регулирования общественных отношений.

В связи с этим часть 2 статьи 26 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» устанавливает, что основанием для рассмотрения дела Конституционным судом является выявленная неопределенность либо сомнение в соответствии регулятивного воздействия оспариваемой нормы конституционным положениям, при условии, что такие сомнения основаны на логически последовательной позиции заявителя и подтверждены убедительными правовыми аргументами.

Однако доводы заявителя о возможной криминализации гражданско-правовых обязательств в связи с нововведениями в диспозиции статьи 209 УК, выраженного словами «а равно мошенничество, сопряженное с

преднамеренным неисполнением договорных обязательств», основаны на гипотетических допущениях.

Частью 2 статьи 59 Конституции устанавливается прямой конституционный запрет на привлечение к уголовной ответственности исключительно за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств, вытекающих из договора.

Данный запрет закреплен и в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно пункту 2 части 1 статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК), неисполнение либо ненадлежащее исполнение гражданско-правовых сделок само по себе не влечет уголовной ответственности и не может служить основанием для ее наступления, которое должно регулироваться в гражданском порядке. Указанный запрет действует на всех стадиях уголовного преследования.

Уголовное преследование в УПК рассматривается как строго регламентированный законом процесс, осуществляемый с соблюдением принципа верховенства права и законности и при признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (статья 7 УПК). Такой процесс осуществляется при наличии данных, указывающих на признаки состава преступления. В каждом случае обнаружения таких данных следователь, прокурор принимают предусмотренные УПК меры по установлению события и обстоятельств совершенного преступления, выявление виновного лица и процессуальное закрепление доказательств (главы 3 и 5 УПК).

Форма вины лица как признак состава преступления определена уголовным законодательством. В соответствии со статьей 29 УК виной признается психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его противоправным последствиям; формами вины являются умысел или неосторожность.

Согласно статье 30 УК умышленным признается преступление, совершенное с прямым либо косвенным умыслом, характеризуемым

осознанием уголовной противоправности деяния и предвидением возможности либо неизбежности причинения вреда.

Постановлением Пленума Верховного суда Кыргызской Республики «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате вверенного имущества» от 29 мая 2020 года № 8 задается ориентир для правильного применения уголовного законодательства по делам о мошенничестве, согласно которому, умысел на хищение чужого имущества подтверждается отсутствием у лица реальной возможности исполнить договор, использованием при его заключении поддельных документов, сокрытием сведений о задолженностях и обременениях.

Исходя из установленного уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, вышеуказанным постановлением Пленума Верховного суда, применительно к предмету обращения заявителя, подхода к оценке признаков преступления, включая форму вины лица, возбуждение и осуществление уголовного преследования допускается при наличии достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления.

А в случае отсутствия признаков преступления частью 1 статьи 27 УПК императивно установлено, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за отсутствием события либо состава преступления.

При принятии процессуальных решений и осуществлении предоставленных полномочий уполномоченные органы уголовного преследования несут ответственность за их законность и обоснованность, что предполагает соблюдение установленных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством требований, реализуемое, в том числе, через возможность их последующей проверки в порядке судебного контроля и обжалования.

Конституционный суд в своем Решении от 17 сентября 2025 года указал, что реализация права на судебную защиту обеспечивается посредством процессуальных механизмов обжалования. Если

государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не исполняют свои обязанности, их действия (бездействия) могут быть обжалованы заинтересованными лицами в порядке глав 16, 46, 51 УПК. Таким образом, право на обжалование выступает процессуальным средством реализации конституционного права на судебную защиту, обеспечивая устранение незаконных ограничений и восстановление нарушенных прав личности.

Кроме этого, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает и специальный механизм восстановления нарушенных прав в случае, если уголовное преследование, несмотря на предусмотренные законом гарантии, привело к незаконному обвинению либо осуждению лица. Такая гарантия заложена в задачах уголовного судопроизводства. В соответствии со статьей 6 УПК к таким задачам отнесены защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод, обеспечение справедливого судебного разбирательства и правильного применения уголовного закона, а также незамедлительная и полная реабилитация в случаях незаконного обвинения или осуждения невиновного.

Относительно соблюдения законодателем принципа соразмерности наказания применительно к дополнению пункта 2 части 3 статьи 209 УК Кыргызской Республики квалифицирующим признаком «совершение деяния в отношении двух и более лиц» и примечания к указанной статье, коллегия судей исходит из правовой позиции Конституционного суда, изложенной в Решении от 31 января 2024 года, в соответствии с которой, уголовное наказание направлено на защиту прав и законных интересов потерпевших, восстановление социальной справедливости и устранение последствий преступления. Оно предполагает установление и применение меры уголовной ответственности, строго соразмерной характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, что является системообразующим элементом института юридической ответственности и

необходимым условием формирования в обществе устойчивого убеждения в неотвратимости наказания, укрепления законности и поддержания правопорядка.

Законодатель, исходя из принципа правового государства, обладает дискреционными полномочиями определять пределы уголовно-правовой защиты конституционных ценностей, включая условия привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее (Решение Конституционного суда от 29 марта 2023 года).

На основании изложенного коллегия судей приходит к выводу об отсутствии оснований для принятия ходатайства к рассмотрению в рамках конституционного судопроизводства, поскольку доводы заявителя основаны на предположительном развитии событий и не подтверждают наличие неопределенности в конституционно-правовом регулировании.

Само по себе предположение о возможных нарушениях при применении указанных норм не свидетельствует о их неконституционности и относится к сфере оценки конкретных правоприменительных решений, которая выходит за пределы полномочий Конституционного суда.

Руководствуясь частью 2, пунктами 1, 4 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайство Аргымбаевой Асель Абдыкалыевны о проверке соответствия части 1, пункта 2 части 3 статьи 209 Уголовного кодекса Кыргызской Республики статьям 1, 59 Конституции Кыргызской Республики.

2. Возвратить представленные материалы заявителю.

3. Настоящее определение может быть обжаловано в

Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

К.А. Дуйшеев

Ч.А. Айдарбекова

Л.Ч. Жолдошева

№ 04-о